

Стахеев Дмитрий Иванович

Собрание сочинений

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович С.**
Собрание сочинений: Том 4 / Стахеев Дмитрий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 312 с.

ISBN 978-5-519-75384-5

ISBN 978-5-519-75384-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДОМАШНІЙ ОЧАГЪ

РОМАНЪ

ГЛАВА I.

Сѣдой и удрученный не столько годами, сколько болѣзнію, купецъ Семенъ Игнатьевичъ Ивановъ сидѣлъ въ мягкомъ покойномъ креслѣ на балконѣ своего большого каменнаго дома. Лѣто. Воздухъ чистъ и ясенъ. Предъ сидящимъ старикомъ открывается прекрасный видъ: внизу, подъ крутымъ обрывомъ берега, на которомъ стоитъ его домъ, начинаются раздольные поемные луга съ озерами и зеленью и блескомъ солнца, отражающимся въ зигзагахъ вьющейся въ этой зелени рѣчки. Идутъ эти луга далеко, вплоть до самыхъ береговъ широкой многоводной рѣки, разливающейся по веснѣ безбрежнымъ моремъ по этимъ лугамъ. Тогда видъ съ балкона, на которомъ сидитъ теперь Семенъ Игнатьевичъ, еще красивѣе, и въ особенности въ то время, когда разливъ поды въ полной силѣ и пароходы подходятъ почти къ самому дому Семена Игнатьевича, считающемуся лучшимъ домомъ по всемъ городѣ Малиновскѣ. И теперь, среди лѣта, когда вода уже сошла съ луговъ и зелень царитъ на нихъ во всей своей красотѣ и силѣ, видъ на луга и на отдаленную рѣку превосходенъ. Тянутся по этой рѣкѣ разнообразныхъ формъ и размѣровъ суда, и баржи, и росшивы, и паруса ихъ, сверкая на солнцѣ своей бѣлизной, долго, долго замѣтны изъ города, и долго иной разъ смотритъ на нихъ горожанинъ, наблюдая, какъ, по мѣрѣ своего удаленія, уменьшаются и тускнѣютъ паруса, увлекая

за собою его мысль. Бѣгутъ по рѣкѣ пароходы, шумя колесами и спѣша перегнать одинъ другого, для того, чтобы успѣть первому захватить съ пристани города Малиновска пассажировъ, расплачивающихъ иногда за эту погоню собственною жизнію. Просвиститъ, про шумитъ пароходъ, застелетъ потопъ густымъ чернымъ дымомъ и пристань, и противоположный гористый берегъ рѣки и, минуты двѣ-три спустя, уже не видно его, и только черная полоса дыма отъ его трубы остается нѣкоторое время въ воздухѣ.

Хорошъ видъ съ крутого берега города Малиновска,—и въ особенности въ ясный, солнечный день, когда противоположный, гористый берегъ рѣки обрисовывается не только со всѣми своими селами и ихъ храмами, но и со всѣми разнообразными оттѣнками красотъ лѣса и долинъ, идущихъ вдоль рѣки и вправо и влѣво и тянущихся далеко, далеко, пока глазъ можетъ различать предметы.

Сидитъ Семенъ Игнатьевичъ на балконѣ и чуть ли ему не кажется вся эта мѣстность чѣмъ-то новымъ, никогда до этого часа невиданнымъ, хотя онъ знаетъ ее съ первыхъ дней своего дѣтства. Сидитъ онъ на балконѣ, или, вѣрнѣе сказать, полулежитъ, и ноги его, укутанныя пледомъ, покоятся на подложенной подъ нихъ подушкѣ. Самъ онъ тоже въ достаточной степени со всѣхъ сторонъ обложенъ подушками и укутанъ пледами. Видно, что человекъ боленъ и не самъ пришелъ на балконъ, а чуть ли даже не на рукахъ вынесенъ сюда слугами. Лицо его блѣдно, и сильно сквозь эту блѣдность пробивается желтизна, глаза ввалились, и борода, когда-то пушистая и окладистая, широкой массой красовавшаяся въ дни здоровья на груди его, теперь смотритъ какимъ-то скомканнымъ пучкомъ и уже обрѣзана, по причинѣ болѣзни, болѣе чѣмъ наполовину. Здоровье его до сихъ поръ было крѣпкаго русскаго закала. Руки—это клещи, спина—что твой столъ и въ плечахъ, какъ говорится, косая сажень... «Все во мнѣ прилажено подъ стать,—думалъ

онъ и теперь, смотря на свои большія жилистыя руки,—да вотъ, поди-жъ ты, статья какая—ослабъ!»

Заболѣлъ Семенъ Игнатьевичъ, давно уже слегъ въ постель, да вотъ сегодня ему полегче — и попросилъ онъ у доктора позволенія на балкончикъ посидѣть.

Прежде, если ему случалось иной разъ выйти на балконъ своего прекраснаго дома, онъ быстрымъ соколинымъ взглядомъ окидывалъ всѣ пристани, амбары и кладовыя, десятками настроенные внизу у самаго берега рѣки, и сразу онъ видѣлъ, все ли тамъ въ порядкѣ и то ли дѣлаютъ, что нужно, его служащіе, рабочіе, приказчики, довѣренные и т. п. люди. Потомъ онъ, бывало, оглянетъ улицу, и все видитъ,—видитъ, что проходятъ мимо его дома какіе-то скромные, точно кипяткомъ ошпаренные люди въ зипунахъ и низко кланяются, проходя мимо балкона; видитъ, какъ проѣзжаютъ по улицѣ экипажи и какъ сидящіе въ нихъ кланяются, глядя вверхъ, именно на него, стоящаго на балконѣ—и радуется его душа всему этому. Теперь же сидитъ онъ на балконѣ и точно также всѣ мимо проходящіе отвѣшиваютъ ему поклоны, и одинаково, какъ тѣ, которые смотрятъ пришибенными и ошпаренными кипяткомъ, такъ и тѣ, которые сами принадлежать къ числу ошпаривающихся и жирѣющихъ на чужой счетъ... Но теперь Семенъ Игнатьевичъ не видитъ этихъ поклоновъ. Съ нимъ произошло превращеніе, положимъ, временное, вызванное болѣзненнымъ состояніемъ его здоровья, но все-таки произошло превращеніе, и видитъ онъ то, что прежде, до этого времени, оставалось для него во мракѣ, заслоненное разными амбарами, приказчиками, счетами и расчислениями. Видитъ онъ нѣчто совершенно новое, никогда прежде невиданное, и думаетъ онъ теперь! — «что это такое со мной, что это я,—жилъ, жилъ, больше пятидесяти годовъ прожилъ, а ничего такого предестнаго, что вижу теперь, никогда не видывалъ. Вѣдь, какъ это все хорошо, какъ эти облачка-то чудесно по полю перебѣгаютъ, какъ это свѣтъ-то солнца хорошо въ

зелени-то и какъ все въ разныхъ мѣстахъ посвоему—гдѣ потемнѣе, гдѣ посвѣтлѣе—удивительно! И птички-то, птички, какія онѣ веселыя и живыя! Эхъ, мало я раньше-то на это смотрѣлъ, все какъ-то не замѣчалъ, да и все какъ-то некогда было, а теперь вотъ вижу, да и жаль... Много больно годовъ-то прошло... По воть, Богъ дастъ, поправлюсь, посмотрюсь... Полно, полно съ дѣлами-то все возиться, надо и отдыхъ знать. Поправлюсь, поѣду въ Крымъ: очень одобряютъ тамъ мѣста, и море, говорятъ, изъ оконъ видно, какъ потъ, наприиѣръ, у меня теперь съ балкона; виноградъ на волѣ растеть... Такъ-то воть, живемъ, все около денегъ, все вокругъ нихъ вертимся, а настоящаго житія и не отвѣдаемъ, каково оно есть на свѣтѣ... Господи, дай только поправиться; поѣду смотрѣть на море, на винограды»...

Подъ впечатлѣніемъ такихъ пріятныхъ мыслей онъ дремалъ и переносился въ другія края, гдѣ вѣчно синее небо. Но проходила дремота, проходили съ нею хорошія минуты—и больной Семенъ Игнатьевичъ начиналъ томиться другимъ.

«Что это, Господи, какое на меня затмѣніе находитъ», думалъ онъ, тревожно ворочаясь въ креслѣ: «что я, ротъ-то разиня, сижу здѣсь».

Глаза его по привычкѣ обратились къ амбарамъ, къ кладовымъ, гдѣ суетилась масса рабочихъ сваливая какіе-то грузы съ воевъ и перетаскивая ихъ въ амбаръ. Семенъ Игнатьевичъ хотѣлъ-было подняться на ноги, крикнуть, туда внизъ, спрашивая, какой это грузъ сваливаютъ; но ему не служатъ ноги — «ходу нѣтъ», какъ говоритъ онъ самъ, да и голосъ слабъ не только для крика, но и для обыкновеннаго разговора. Хотѣлъ бы онъ спросить кого-нибудь изъ своихъ служащихъ, да по-близости никого нѣтъ.

Онъ сдѣлалъ слабый поворотъ головой къ дверямъ балкона, гдѣ стояла, прислонившись къ дверному косяку, какая-то старушка и безучастно смотрѣла въ даль, причемъ, замѣчая то или другое движеніе Се-

мена Игнатъевича, она каждый разъ пугливо оправлялась отъ своей задумчивости. Теперь она снова замѣтила его движеніе и поспѣшно подошла къ нему съ вопросомъ:

— Не нужно ли вамъ что-нибудь?

— Пошлите узнать, пошъ, тамъ, видите... въ амбарахъ,—слабо проговорилъ онъ—и замолкъ.

Старушка дождала продолженія его словъ и переспросила.

— Такъ что же узнать?

Онъ выѣсто отъѣта отмахнулся отъ нея рукой и сухо проговорилъ.

— Не нужно. Я вспомнилъ...

Старушка молча отошла къ дверямъ балкона и опять стала смотрѣть безучастно въ даль.

Семень Игнатъевичъ закрылъ глаза.

Спустя нѣкоторое время его перенесли съ балкона въ кабинетъ: усталъ, говорить, сидѣть. Но не смотря на видимое физическое безсиліе, голова его по прежнему неустанно работаетъ. Широкій лобъ то морщится, то разглаживаются его морщины и въ глазахъ, теперь потускнѣвшихъ, снова появляются тѣ искры блеска, которыя такъ знакомы всѣмъ помнящимъ Семена Игнатъевича въ его здоровомъ состояніи. Порою онъ стонетъ, говоритъ жалобнымъ голосомъ; но эти стоны и жалобы не останавливаютъ его думъ, перебѣгающихъ отъ Малиновска въ Петербургъ, въ Рыбинскъ и во многіе другіе города и мѣстечки Русскаго царства, но только не въ Крымъ и не къ его виноградникамъ.

— Время-то, время-то какое горячее, совсѣмъ бы не до хвори теперь; надо бы и туда, и сюда смахать и на-счетъ женитьбы сына погорячее приложить стараніе, а замѣсто того—вотъ тебѣ кровать одна. «Дѣла мои,—не разъ говаривалъ онъ,—все равно, что болѣющая машина, умѣнье надо ей править, то есть—чтобы, значитъ, съ толкомъ. Запусти въ одномъ мѣстѣ, не подмажь во-время колеса—затрещитъ вся машина, только осколки полетятъ во всѣ стороны».

Въ такомъ видѣ представлялъ себѣ Семенъ Игнатьевичъ положеніе своихъ дѣлъ. Онъ русскій человѣкъ и, выражая свои мысли, любитъ подкрѣплять ихъ сравненіями, сразу опредѣляющими значеніе предмета.

— Ошарашило! — бормочетъ онъ теперь о своемъ безсиліи, — голова кругомъ идетъ, точно меня кто съ колокольни брякнулъ.

ГЛАВА II.

Не смотря на то, что у Семена Игнатьевича своихъ дѣлъ довольно, онъ успѣваетъ и обществу служить. Онъ директоръ малиновскаго общественнаго банка и собственныхъ векселей его теперь въ этомъ банкѣ, какъ говорится, непочатый уголь. Приходятъ сроки векселямъ, переписываются они на другую бумагу, въ книгахъ обозначается уплата и на новыхъ векселяхъ пишутся новые сроки—и дѣло чисто, и Семену Игнатьевичу спокойно.

Правда, поругиваютъ его подъ рукой мѣстные мелкопромышленники, жалуются, что онъ ссуды совсѣмъ имъ не даетъ, но это Семена Игнатьевича не очень беспокоитъ. Приходитъ, напримѣръ, къ нему въ банкъ мелкопромышленники просить ссуды, онъ ласково встрѣчаетъ ихъ въ отвѣтъ на подаваемые ими прошенія о выдачѣ ссудъ отечески поучаетъ:

— Ссуда, — говоритъ имъ Семенъ Игнатьевичъ, — дѣло тонкое, она, что твоя красная дѣвица, заманчива и притягиваетъ къ себѣ малодушнаго человѣка. Берегитесь, братцы вы мои, ссуды, берегитесь: теперь у васъ, какъ вотъ видно и изъ документовъ вашихъ, есть и домишки, и то, и другое, а вѣдь въ срокъ не заплатите ссуды, все это ваше трудовое добро съ молотка пойдетъ ни за копейку.

Слушаютъ мелкопромышленники и молчатъ, понутивъ головы, пока Семенъ Игнатьевичъ убѣждаетъ ихъ своимъ краснорѣчіемъ. Кончитъ онъ увѣрять, начнетъ перебирать свои директорскія бумаги, массама всегда

наваленныя на столъ «для большей внушительности», и поглядываетъ искоса на переминающихся съ ногъ на ногу искателей мелкаго кредита, ожидая ихъ выхода изъ банка; но они продолжаютъ переминаться и не идутъ, перешептываются между собой односложными словами и, наконецъ, кто-нибудь болѣе смѣлый «буркнетъ»:

— Ужъ вы, Семенъ Игнатьевичъ, удостойте, соблаговолите разрѣшить, большая есть надобность... Залоги наши, какъ изволите видѣть, очень благонадежны, домпшки все же какіе ни на есть, а застрахованные и оцѣнка вотъ городомъ же самимъ и произведена... Соблаговолите ссуду...

— Вѣдь я ужъ намъ, братцы вы мои, сказалъ, развѣ вы не поняли...

— Мы очень чудесно все поняли, да вотъ только на счетъ ссуды-то, соблаговолите, помилосердуйте...

— Дома наши залогомъ служатъ... и вотъ теперь оцѣнка сдѣлана и страховка, все въ настоящемъ порядкѣ и въ лучшемъ видѣ...

Просители кланяются, мнутъ въ своихъ жилистыхъ, загорѣлыхъ и замозоленныхъ рукахъ шапки и ждутъ отъ директора милости, точно просятъ у него «ради Христа».

Семенъ Игнатьевичъ косится, то на того, то на другого изъ просителей, хмурить свои густыя сѣдыя брови и погружается въ разсмотрѣніе бумагъ, коротко и сухо промолвивъ:

— Ну, хорошо, я рассмотрю. Приходите на-дняхъ...

— Да ужъ и то ходимъ, отецъ, другу недѣлю... Удостойте...

— Нельзя же братцы вы мои, такъ вотъ вдругъ и раскрыть ящикъ; знаете, деньги общественныя. Вамъ извѣстно, помните, главный жертвователь, положившій двѣсти-то тысячъ на вѣчныя времена въ этотъ банкъ, что завѣщалъ при смерти, помните, читывалъ здѣсь же на общемъ собраніи, читывалъ вѣдь не разъ...

— Помнимъ, какъ же-съ... Вамъ, Семенъ Игнатье-

вичъ, обязаны и тѣмъ, что онъ вкладъ сдѣлалъ въ нашъ банкъ... На этомъ всегда благодарны...

Искатели мелкаго кредита кланяются, убогочаютъ Семена Игнатьевича, и хотя очень хорошо знаютъ, что умершій жертвователь двухъ сотъ тысячъ, жертвуя ихъ банку, настаивалъ, чтобы ссуды были выдаваемы всего болѣе «мелкими суммами»; но, зная объ этомъ, они молчатъ, они люди опытные, понимаютъ, что такое замѣчаніе раздражитъ Семена Игнатьевича и напираютъ всего болѣе на восхваленіе его добродѣтелей.

Такъ добиваются они ссуды и иной разъ успѣшно, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлахъ самаго Семена Игнатьевича нѣтъ большой надобности въ деньгахъ.

ГЛАВА III.

Семенъ Игнатьевичъ человекъ дѣятельный. Выпало, въ здоровомъ состояніи утро его подниметь съ постели въ то время, когда еще полъ-города спитъ въ глубокомъ снѣ, пьетъ онъ наскоро чай, въ какія-нибудь десять минутъ опростаетъ стакановъ пять, шесть чаю и—улетѣлъ изъ дому. Куда? Никто не знаетъ. Гдѣ былъ Семенъ Игнатьевичъ? — спрашиваютъ потомъ кучера.

— Гдѣ былъ! — недовольнымъ голосомъ отвѣчаетъ кучеръ:—были въ разныхъ мѣстахъ: мнѣ еще попало въ шею—долго, говорятъ, запрягалъ лошадей, сплывъ, говорятъ, на козлахъ, не браво сидишь... Пойди, угоди ему!

— Но все же, куда ѣздили?

— Ыздили много: въ шестомъ часу погнали, а потъ ужъ къ полудню дѣло идетъ, все гоняли. На заводѣ были, на пристани были, а опосля того въ сосѣднюю деревню къ попу ѣздили—тамъ чай пили; ну, а потомъ и пошли кружить съ девятаго-то часу по городу, изъ одного конца въ другой... Ишь, вонъ лошадь-то какая, вся въ мылѣ...